

АДЪЕКТИВНАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ ТВОРЧЕСТВА В ТЕКСТАХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

В статье рассматривается адъективная вербализация основных концептов в текстах Марины Цветаевой. Обращается особое внимание на роль эпитетов и адъективной лексики в реализации широкого спектра смыслов в произведениях поэта. Подчеркивается значимость когнитивного анализа для описания центральных понятий художественного мира поэта, а также описания семантической структуры эпитетных слов. Устанавливается, что выбранные для анализа ключевые концепты в рамках концептосферы «человек» имеют метонимическую природу возникновения; при этом метафорический эффект восприятия данных словоупотреблений выступает в качестве вторичного механизма образности. Данные наблюдения составляют основу для описания особенностей идиолекта Марины Цветаевой, главной из которых является антропоморфность адъективной лексики.

***Ключевые слова:** концепт, ключевое слово, Марина Цветаева, адъектив, эпитет.*

Современная концептология представляет собой сформировавшуюся отрасль антропоцентрической лингвистики. Предметом ее изучения становятся смысловые конструкты, имеющие вербальную репрезентацию в различных типах дискурса, – концепты. Концепты очень многочисленны, во многом выделение их типов остается дискуссионным. Концепт понимается нами как универсальная познавательная единица, вербализованная и имеющая различные реализации в культуре и языке. Статус концепта признается за ментальными образованиями любой степени общности, обладающими внутренней семантической расчлененностью, отмеченными этнокультурной спецификой и находящими фиксированное языковое выражение [Воркачев 2002]. В текстах художественных произведений принято говорить о художественном концепте.

Тип художественного концепта (абстрактный, предметный, эмоциональный) задает его структуру и способ репрезентации в языке. Изучение вербализаторов концептуального содержания позволяет исследователям выделить в качестве средств текстовой репрезентации концепта, помимо понятийно-образного, ассоциативно-смысловое поле

[Болотнов 2007]. В рамках идиостиля и идиолекта выделяются частотные, продуктивные концепты, которые отражают особенности мировидения поэта. Такие концепты принято называть ключевыми авторскими концептами.

Изучение языка Марины Цветаевой имеет давнюю историю в рамках традиционного стилистического описания идиолекта поэта [Зубова 1999, Ревзина 1982, Широлапова 1997]. Данное направление исследования идиостиля позволило подробно рассмотреть тропеические средства (эпитеты, метафоры, метонимии, гиперболы, оксюмороны и т.д.), выявить общие черты идиостиля, такие как противоречивость, особая эмоциональность, парадоксальность и другие. Объединить данные стилистические средства в единую картину позволил когнитивный метод анализа поэтического языка, предполагающий не простое описание и комментирование особенностей использования тропов и фигур речи (в том числе, авторских, таких как паронимическая аттракция, корневой повтор), но и глубинный анализ их порождения. Известно, что механизмы образования многих метафор имеют когнитивный характер; в поэтическом же творчестве эти механизмы имеют особую логику, что попадает в поле зрения когнитивной лингвопоэтики.

В последнее время появляется немало работ, в которых идиостиль рассматривается как конструктор ключевых авторских смыслов, выраженных ключевыми словами, то есть такими смыслами, которые имеют первостепенное значение для авторского тезауруса, а потому они частотны и продуктивны в идиолекте писателя. Относительно Марины Цветаевой можно назвать ряд исследований, заслуживающих внимания в рамках когнитивного подхода к описанию ее идиолекта. Были выделены и описаны такие ключевые концепты цветаевского идиолекта, как *дом*, *родина* [Валеева 2010, Габдуллина 2004], *душа*, *сердце*, *любовь*, *глаза*, *рука*, *рот* [Губанов 2007, 2016], *деревья* [Ревзина 1982], *жизнь* и *смерть* [Дзюба 2005], *печаль* [Козакова 2009], *поэт* [Шишкина 2003]. Продуктивность таких концептов связывается с доминантными особенностями идиостиля поэта, а именно такими, как парадоксальность поэтического мышления, предельность, подразумевающая исследование пределов бытия, безмерность, эмоциональность, внимание к философскому осмыслению бытия [Зубова 1999].

Обобщающие концептуальные исследования языка Марины Цветаевой дают основание говорить о глобальных особенностях творческого почерка, а именно: об особой емкости ее текстов [Черных 2003], о соматичности мировосприятия, антропоцентричности [Миняева 2007]. Как отмечает Н.В. Черных, чаще всего ключевое слово поэтического текста представляет собой не центр, а периферию, границу совпавших в нём семантических полей. Такой характер, по мнению исследователя, носят следующие ключевые слова: *душа* (*жизнь*, *смерть*),

сад (смерть, флора), стекло (зрение, смерть), закрыть глаза (зрение, смерть, творчество) и т.д. [Черных 2003]. Наши наблюдения за идиолектом М. Цветаевой подтверждают данные выводы, а набор ключевых концептов и смыслов зачастую совпадает.

Однако все еще остается немало вопросов относительно связи процесса вербализации ключевых концептов и механизмов их смыслопорождения. Не хватает обобщающего исследования адъективной лексики на основе когнитивного анализа как признаков слов, так и концептов, вербализованных ими.

Нас будет интересовать вопрос адъективной вербализации ключевых смыслов идиостиля Марины Цветаевой, поскольку адъективная лексика отличается особой пластичностью семантики и достаточно продуктивна в ее идиолекте. Статус ключевых получают концепты, которые отличаются частотой употребления в текстах и имеют значимость для тезауруса и идиостиля автора.

Объектом анализа в данной статье выступают ключевые, центральные, наиболее частотные, концепты поэтического мира Марины Цветаевой, имеющие адъективную (признаковую) вербализацию. Методами исследования выступили описание языковых фактов, семантический анализ, когнитивный анализ, статистические методы.

Особо отметим мотивацию анализа именно адъективных средств вербализации ключевых концептов, поскольку, как мы установили ранее, именно эпитетные слова занимают центральное место в идиолекте Марины Цветаевой [Губанов 2016].

Материалом для анализа в данной статье послужили тексты Марины Цветаевой различного типа: это стихотворения, поэмы, в том числе фольклорные, прозаические тексты (эссе, воспоминания, дневниковые записи, письма), драматургия. Всего выявлено 985 контекстов с интересующими нас эпитетами.

Примеры употребления эпитетов приводятся из текстов собрания сочинений Марины Цветаевой в 7 томах с указанием номера тома и номера страницы [Цветаева 1994].

В данной статье с учетом того факта, что ключевых авторских концептов можно выделить достаточно много, мы остановимся на концептосфере *человек* как наиболее репрезентативной и показательной, отражающей логику конструирования переносных словоупотреблений. За рамками рассмотрения оказываются натурфакты (такие ключевые концепты, как *солнце, море, деревья* и др.) и артефакты (такие концепты, как *дом, лестница* и т.д.).

Исходя из положения о центральной роли структурирования «внутреннего человека» в текстах М. Цветаевой с опорой на ключевые направления осмысления мира поэтом (повышенная эмоциональность, философичность, безмерность и экспрессия), можно говорить о том, что

вербализация концептов, представляющих данного «человека» (тело и душа), осуществляется посредством эпитетных слов, или признаков (адъективных) конструкций [Губанов 2016]. Такие конструкции, обладая гибкостью и многогранностью векторов переноса признака и имени концепта, наиболее полно отражают весь спектр авторского идиолекта, проливают свет на интенции их возникновения. Последнее обстоятельство очень значимо, поскольку интерпретация поэтических контекстов привычно опирается на метафорический эффект от восприятия языковых образов, что рассматривается нами как первичный этап в прочтении смысла. Вторым шагом является вскрытие механизмов образования, авторской логики появления данных словосочетаний, что, как мы убеждены, опирается на метонимический механизм, заключающийся в переносе по смежности практически любых признаков на концепты «внутреннего человека». Как правило, такие признаки и концепты являются соотносимыми, поскольку находятся в рамках одной концептосферы человека, но зачастую сфера их функционирования не ограничивается данной сферой, что составляет яркую идиостилевую черту текстов Марины Цветаевой. Практически неограниченное вовлечение антропоморфных адъективных лексем в процесс метафтонимизации создает эффект блендинга, наложения нескольких признаков друг на друга, порой очень далеких; возникает новый объемный образ.

Рассмотрим в рамках концептосферы «человек» такие адъективно вербализованные концепты, как *глаза*, *рука*, *рот*. В качестве эпитетов могут выступать как прилагательные, так и причастия, местоимения, некоторые формы числительных, наречия. В работе мы рассматриваем понятие «адъективная вербализация» широко, понимая под ней любое слово, выражающее признак предмета, субъекта.

1. Концепт *глаза* (*взгляд*) (366 контекстов). Основной, наиболее часто встречающийся определитель при данном концепте – эпитет *печальный*, *грустный*:

У мамы сегодня печальные глазки [Цветаева 1994, т. 1: 103]; *И глаза твои, грустные, те же* [Цветаева 1994, т. 1: 82]; *Черный, черный лишь преносен / Цвет – горюющим очам* [Цветаева 1994, т. 3: 631]; - *Отчего твои очи грустны?* [Цветаева 1994, т. 1: 369]; *В страну ... Печальных глаз и роз лимонных* [Цветаева 1994, т. 1: 21].

Так или иначе общеязыковыми, непереносными можно признать и такие эпитеты, как *задумчивые*, *сонные*:

И отвернув задумчивые очи, / Он продолжал заоблачный свой путь [Цветаева 1994, т. 1: 361]. *Самое святое дело мне – / Сонные глаза стеречь!* [Цветаева 1994, т. 1: 521].

Менее узуален эпитет *спящий*: *Олимпийцы?! / Их взгляд спящ!* [Цветаева 1994, т. 2: 173], поскольку он сугубо антропоморфен (*спящий человек*), а все переносные значения будут ярко метафоричны.

Самыми показательными и важными для нашего исследования являются неузуальные прилагательные при антропоморфных концептах и логика их конструирования. Данные особенности хорошо прослеживаются в развернутых контекстах при многовекторном сравнении объекта эпитетации:

*Как два костра, глаза твои я вижу, / **Пылающие мне в могилу**, – в ад, – / Ту **видящие**, что рукой не движет, / Умершую сто лет назад* [Цветаева 1994, т. 1: 481–482]. В данном случае взгляд и глаза олицетворяются, наделяются человеческой способностью действовать как независимый субъект: происходит словно «отделение» органа тела человека от его субъекта, метонимизация становится детальной и зримой.

Или:

***Темный, прямой и взыскательный** взгляд. / Взгляд, к обороне готовый* [Цветаева 1994, т. 1: 215]. Вновь наряду с узуальными адъективами мы видим метонимизацию: взгляд = человек (*к обороне готовый*). Происходит выражение целостного психологического ситуативного состояния субъекта на небольшом участке концептосферы «человек», в рамках концепта *глаза*, поскольку именно в них выражаются чувства и эмоции субъекта наиболее наглядно.

Если посмотреть на другие имена концепта, называющие его части, то перед нами уже явно идиостилевые словоупотребления. Брови, ресницы как менее репрезентативно выражающие чувства органы тела человека по сравнению с глазами наследуют данный механизм означивания признаком, что порождает явно метонимические эпитеты:

Скрытые твои ресницы [Цветаева 1994, т. 3: 192]; *И на **ревнивые твои ресницы** умиляясь...* [Цветаева 1994, т. 1: 320]; ***Брови сильные** стянув, / Взор свой – как орлица клюв – / В спящего вонзает* [Цветаева 1994, т. 3: 233]; ***Брови роковые**...* [Цветаева 1994, т. 1: 234]; ***Черные – возжи-мои-колеи – / Дальнородорожные брови твои!*** [Цветаева 1994, т. 2: 91].

Человек – субъект восприятия автором – имеет характеристики зачастую психологического плана: *скрытый, ревнивый, сильный характером*, которые распространяются на самый «репрезентативный» орган человеческого тела – глаза. Данный концепт имеет в идиолекте поэта спектр значений: это и выражение души человека, его мыслей, чувств, это и способ познания другого субъекта посредством «считывания» информации с его глаз.

Более многозначными становятся словоупотребления такие, как *роковые* или *дальнородорожные брови*, значение которых ситуативно и считывается гипотетически: *роковые* – коварные, страстные; *дальнородорожные* – забытые, опытные, много видевшие или даже по очертаниям напоминающие рельсы железной дороги. Такая логика

широкого переноса признаков дает поле для интерпретации и порождает окказиональный образ.

2. Концепт *рука* (322 контекста). Поскольку данный орган человеческого тела больше отвечает за действие, переносные наименования признаков, относящиеся к данному концепту, выглядят явно метафорическими.

Спектр эмоций, передаваемый посредством данного концепта, достаточно большой, что свидетельствует о тотальной логике распространения эмоциональных адъективов на любой участок концептосферы, в том числе на рассматриваемый нами концепт:

Безумные руки тянешь, и снегом – конь [Цветаева 1994, т. 3: 20]; ...
Рукой заспанной ресницы трет, / *Теперь правому плечу – черед* [Цветаева 1994, т. 3: 243]; *Пара таянье под рукой / Чающей* [Цветаева 1994, т. 3: 641]; *В кудрях – рука – / Упрямая – запуталась* [Цветаева 1994, т. 1: 512]; *Но обеими – зажатыми – ...[руками] яростными – как могла!* [Цветаева 1994, т. 1: 518]; *Ревнивая длань – твой праздник* [Цветаева 1994, т. 3: 21]; *Все сызнава: опять рукою робкой / Надавливать звонок* [Цветаева 1994, т. 1: 560].

Рука становится одним из органов тела, который способен иметь зрение:

Длинной рукой незрячей, / *Глядя раскиданный стан*,... [Цветаева 1994, т. 1: 358], или психолого-нравственные качества:

Руки ... старческие, не знающие стыда [Цветаева 1994, т. 2: 147].

Распространение признака, относящегося к концепту той же концептосферы человека, свидетельствует о единой логике осмысления всей концептосферы в целом: происходит тотальная метонимизация любого концепта с помощью адъективной лексики. Например, в выражении *Рукой заспанной ресницы трет* мы видим, что эпитет *заспанный*, относящийся к концепту *глаза*, перенаправлен в смежный концепт *рука*, где функционирует примерно с тем же смыслом (заспанные глаза – заспанный человек, вялый), но смена вектора переноса вызывает метафорически свежий эффект.

Данные примеры употребления адъективной лексики говорят об одной очень важной особенности цветаевского идиолекта: признаковые слова подбираются из той же концептосферы человека, что и субстантивы, с ними сочетающиеся. Это дает нам возможность трактовать переносы как метонимические: перенос признака с целого на часть.

Так, например, в контексте *Ревнивая длань – твой праздник* [Цветаева 1994, т. 3: 21] адъективная конструкция *ревнивая длань* представляет собой метонимическое обозначение основного признака (качества) человека посредством характеристики его руки, в которой подчеркивается ситуативно важная черта всего субъекта, его характера с опорой на основной репрезентант этого качества (руку). Ситуативность

заключается в том, что признак актуален здесь и сейчас и только в рамках авторского восприятия.

3. Концепт *рот* (297 контекстов). Основной сферой, реализуемой данным концептом, является речь, пение; выражение эмоций несколько вторично (улыбка).

Данный концепт очень часто выступает метонимическим заменителем субъекта:

И целует, целует мой рот поющий [Цветаева 1994, т. 1: 326]; *Запечатленный, как рот оракула / Рот твой, гадавший* многим [Цветаева 1994, т. 2: 240]; *Лживые, в душу идущие, речи / Очаровательных губ* [Цветаева 1994, т. 1: 188]; *Эту живую рану / Бешеным ртом зажать ...* [Цветаева 1994, т. 1: 542]; *...рот живет..., выбрасывающий* рулады – «р» [Цветаева 1994, т. 4:473]; *Не надует гордых губ* [Цветаева 1994, т. 1: 117]; *Как пес цепной / Смех – с дерзких губ* [Цветаева 1994, т. 3: 234]; *Слова твои – струи, вскипают и льются, / Но нежные губы в тоске* [Цветаева 1994, т. 1: 92].

Наиболее показателен перенос при выражении, наряду с эмоциями, межличностных отношений, поскольку во втором случае сочетание адъектив попадает абсолютно не в свою сферу сочетаемости с данным концептом:

Ваш рот, надменен и влекущ, / Был сжат – и было все понятно [Цветаева 1994, т. 1: 208].

При осмыслении природной реалии перед нами явно метафорическое, антропоморфное (олицетворяющее) употребление эпитетов:

... Не губы, жмущиеся жадно / К руке чужой ... (о приборе) [Цветаева 1994, т. 2:117].

Не только собственно рот и губы, но и их детали (*извилина, вырез губ, а также поцелуй*) способны выразить эмоцию:

Не спасает ни песен / Небесный дар, ни надменнейший вырез губ [Цветаева 1994, т. 1: 258]; *Извилина неярких губ / Капризна и слаба* [Цветаева 1994, т. 1: 222]; *Сквозь соляные ливни / Смоль поцелуев злых ...* [Цветаева 1994, т. 2: 120].

Логика конструирования эпитетного комплекса, или адъективной конструкции, состоит в том, что человек в восприятии автора строк предстает, например, надменным, проявляет себя таковым в отношении автора. Вместо фразы *надменный человек* М. Цветаева могла употребить выражение *надменные губы*, метонимически акцентируя внимание на «месте» (локусе) выражения данного признака. Такое словоупотребление воспринималось бы в качестве метонимического эпитета: через часть человеческого тела выражается определенное психологическая, в данном случае – межличностная характеристика субъекта восприятия. Автор же сужает локус проявления данного качества, конкретизируя концепт: это не

просто рот или губы, а вырез губ, их часть, уловимая авторским зрением или отпечатавшаяся в памяти. В данном случае имеем дело с чисто метонимической логикой конструирования выражения и, как следствие, более ярким образным эффектом. Такое наложение признаков, с одной стороны, близких, но не свойственных данному концепту, называем метафтонимическим, а процесс наложения – блендингом, поскольку происходит не механическое их пересечение, а взаимопроникновение, а в результате – возникновение нового образа.

При всем этом отметим очень важную особенность всех рассмотренных нами переносов – практически все адъективные слова (эпитеты), употребленные при концептах сферы *человек*, относятся также к данной концептосфере. Этот факт свидетельствует о том, что идиолектную особенность цветаевских текстов составляет двунаправленный процесс категоризации антропоморфных лексем: как концепты относятся к концептосфере человека, так и определения также находятся в рамках данной концептосферы. Заметим, что при наблюдениях за языком Марины Цветаевой, выполненных нами ранее, также отмечалась данная логика именно в процессе эпитетации [Губанов 2007, 2016].

Интересен и тот факт, что все рассмотренные нами примеры адъективных фраз, в которых присутствуют эмоционально-психологические эпитеты (а это более 80%), допускают двоякую трактовку: остается не совсем понятно, описывается ли качество субъекта (*лживые речи, скрытые ресницы*) или же это восприятие автора (пишущего). Наверное, стоит расценивать оба варианта равноправными, поскольку перед нами авторский текст и идиостилевая картина мира.

Рассмотрение адъективной вербализации ключевых концептов в текстах Марины Цветаевой привело нас к следующим выводам. Описанные базовые концепты, имеющие признаковое выражение, конструируются поэтом по единой когнитивной логике: выбирается, как правило, парадоксальный признак, объединяющий объект эпитетации и сам эпитет к нему. На основе этого наведения признаков происходит совмещение их смыслов, так называемое блендирование, дающее особый образный эффект, опирающийся на механизм метафтонимии: на первом этапе восприятия образа задействованы механизмы метафоры (сходство объектов), на глубинном уровне порождения таких высказываний – метонимии (смежность признака и объекта). Именно когнитивный анализ дает объяснение необычным окказиональным адъективным словосочетаниям, поскольку авторская логика работает в режиме тотального распространения признака на любой объект, что связано с безмерностью, беспредельностью мировосприятия Марины Цветаевой. В дальнейшем предполагается показать данный процесс на материале других концептов.

Библиографический список

Болотнов А.В. О некоторых текстовых направлениях ассоциирования, отражающих концепт ХАОС в лирике М. Цветаевой // Вестник ТГПУ. 2007. №2. С. 85–91.

Валеева Д.Р. Репрезентация концепта ДОМ в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 20 с.

Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Гнозис, 2002. 236 с.

Габдуллина С.Р. Концепт дом/родина и его словесное воплощение в стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 243 с.

Губанов С.А. Базовый концепт «душа» и его экспликация средствами эпифразы в творчестве М. Цветаевой // Проблемы авторской и общей лексикографии. Брянск, 2007. С. 191–194.

Губанов С.А. Художественный концепт и особенности его выражения в текстах М. Цветаевой (на материале концепта «глаза») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. 2016. №4. С. 20–23.

Дзюба Е.В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. Цветаевой // Политическая лингвистика. 2005. №15. С. 181–189.

Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 232 с.

Козакова А.А. Концепт печаль в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Известия вузов Северо-Кавказского региона. 2009. Т. 153. №5. С. 123–128.

Миняева С.А. Соматическая лексика в поэзии М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 26 с.

Ревзина О.Г. Тема деревьев в поэзии М. Цветаевой // Труды по знаковым системам. Тарту, 1982. Вып. 576. С. 141–148.

Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 297 с.

Шиrolапова Н.Ю. Лексико-стилистические средства поэзии М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 217 с.

Шишкина О.Ю. Художественный концепт ПОЭТ в идиостиле М.И. Цветаевой и его лингвистическая репрезентация: на материале поэзии: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2003. 178 с.

Список источников

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–7.